

АНТОНЪ КРАИНИИ
ЛИТЕРАТУРНЫЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

1.

Эта форма, — только «размысленій», не критики, — имѣеть, конечно, свои непріятныя стороны: расплывчатость, тенденцію превратиться въ «gadotage» и т. п. Но за то можно не стѣснять себя одной темой, ни даже темами одного и того-же порядка.

Намъ есть о чемъ поразмышлять. Нашлось бы, говоря правду, что и покритиковать; но чѣмъ дальше, тѣмъ все яснѣе, что критика намъ не по времени, не ко двору.

Не буду въ сотый разъ доказывать это и пояснять, отчего критическія статьи даже самыхъ способныхъ нашихъ литераторовъ «поражаютъ своимъ ничтожествомъ» (какъ говорится). И я поразиль-бы тѣмъ-же самымъ, еслибъ принялся за такое дѣло.

Кое кто еще упорствуетъ, еще думаетъ, что и сейчасъ можно о чемъ нибудь высказать прямо свое мнѣніе. Но чуть сдѣлаетъ попытку — немедленно получаетъ первое предостереженіе. И грозное, ибо уже второе (при второй попыткѣ) сопровождается «перестѣченіемъ», и дальнѣйшихъ не бываетъ.

Я это самъ прошелъ, я опытенъ. А вотъ свѣжій случай: съ Г. Ивановымъ, съ критической его замѣткой о Сиринѣ (№ 1 «Чисель»).

Эта замѣтка — очень стройно и прямо выраженное мнѣніе критика о писателѣ, о романѣ «Защита Лужина» (въ «Современныхъ Запискахъ»).

Въ прежнія времена такія (и болѣе остро высказанныя) «мнѣнія» спокойно появлялись во всѣхъ толстыхъ журналахъ, до «Вѣстника Европы» включительно, во всѣхъ газетахъ — до «Рѣчи». Свобода мнѣній признавалась, и даже если дѣло шло не о какомъ-то Сиринѣ, но о Л. Андреевѣ или Чеховѣ. На умъ никому бы не пришло сказать, что, положимъ, «Рѣчь» «запятнала свои страницы» мнѣніемъ Икса о Л. Андреевѣ, какъ о «не очень умѣломъ фокусникѣ», а «День» «опозорилъ себя» мнѣніемъ Игрека о Чеховѣ, «этой воплощенной неподвижности».

Иныя времена, иныя мѣста, — и посмотрите: сравнительно мяг-

кая, только прямая, замѣтка Г. Иванова, да еще о такомъ посредственномъ писателѣ, какъ Сиринъ, вызываетъ... бурю негодованія. Самые благожелательные къ «Числамъ» рецензенты не удержались отъ упоминанія о «пятнѣ». Даже Ходасевичъ не удержался, а онъ, при его тонкомъ литературномъ чутьѣ, ужъ, конечно, не очарованъ столь неприятно «сдѣланнымъ» романомъ, какъ «Защита Лужина»,

Быль лишь одинъ трезвый голосъ: въ далекой, здѣсь почти невидимой, газетѣ «За Свободу». Къ сожалѣнію, эта газета отличается литературной безпризорностью: тамъ въ сосѣднихъ №№ можно встрѣтить двѣ статьи объ одномъ и томъ же, и — абсолютно противоположнаго содержанія.

Прибавлю еще: вспоминая прошедшіе «счастливые дни» критики, я взялъ такіе «чинные» печатные органы, какъ «Рѣчь», «Вѣстникъ Европы», «Русская Мысль». А если вспомнить «Вѣсы», съ которыми, кстати, «Числа» находятся въ большей соотвѣтственной близости, нежели съ «Русской Мыслью»? Въ «Вѣсахъ» замѣтка Иванова показалась-бы нѣжными мармеладомъ.

Первое предостереженіе Г. Ивановъ и «Числа, во всякомъ случаѣ, получили. Посмотримъ, что будетъ дальше. А теперь мысли мои, покинувъ «критику», (спи, милый другъ, до радостнаго утра!) обращаются къ журналамъ нашего времени, къ новому, — «Числамъ», — преимущественно.

Если дальнѣйшія мои размышленія не всѣ будутъ чисто «литературнаго» свойства, — что дѣлать! Мысль въ этихъ границахъ не удержишь.

2.

Кто-то недавно сказалъ, что «Современныя Записки» — «консервативны». Это опредѣленіе вѣрно и точно. Создатели журнала такую и задачу себѣ сознательно поставили: консервированіе, т.-е. собираніе и сохраненіе «русской культуры». Задача прекрасная, да и чѣмъ другимъ могла заняться группа старыхъ общественныхъ дѣятелей, оторванныхъ отъ привычной работы?

Сознавая, что ихъ «заданіе» требуетъ расширенности, такъ какъ въ понятіе русской «культуры» входитъ громадная область художественнаго творчества, они не убоялись «приключить» и ее къ своему дѣлу.

«Современныя Записки» не претендуютъ на высшій судъ въ сферѣ, недавно столь чуждой ихъ руководителямъ; и онѣ мудро держатся лишь несомнѣннаго, признаннаго, предпочитаютъ дѣйствовать навѣрняка, собираютъ то, что по всеобщему мнѣнію требуется «сохранить».

Въ ясности задачи, въ посильномъ ея исполненіи — большая заслуга «Современныхъ Записокъ».

Посмотримъ теперь на «Числа».

Какое «заданіе» у нихъ? Во всякомъ случаѣ — не заданіе «Современныхъ Записокъ». Можетъ быть, нѣтъ никакого?

Врядъ-ли. Безъ чего-то вродѣ «заданія», назовемъ-ли его устремленіемъ воли, аспираціей или просто смысломъ, — журналы не создаются.

Однако, по редакціонной статьѣ судя, это заданіе (или смыслъ) не ясно и для самихъ устроителей журнала. Они не знаютъ, что изъ него «выйдетъ». Они надѣются, что выйдетъ «что-то новое»...

Среди этихъ неопредѣленностей, и еще многихъ другихъ, — вдругъ очень важное, по характерности, заявленіе: на страницахъ «Чисель» не будетъ мѣста «п о л и т и к ѣ».

Какая извѣстная фраза, какое знакомое сочетаніе знакомыхъ словъ! По первому звуку мы привыкли угадывать, что это значитъ, въ комъ и въ чемъ дѣло. Еще въ Россіи, Богъ вѣсть съ какихъ годовъ, — появится, бывало, новенькій журналъ или журналчикъ, объявить, въ первую голову, отнесеніе «политики», — и всѣ сразу понимаютъ: это новый алтарь «чистаго искусства», редактора — его «служители». Обязательная фраза насчетъ политики сдѣлалась, какъ штампъ.

Этотъ штампъ на «Числахъ» немедля опредѣлил бы «заданія» и «лицо» журнала (кстати и редактируетъ его группа писателей) еслибъ... еслибъ сакраментальная фраза не явилась въ окруженіи другихъ, весьма противорѣчивыхъ. И неопредѣленная сложность запутываетъ привычныя представленія. Какъ будто создатели журнала и не хотятъ заѣзженной дороги «чистаго» искусства, какъ будто и не «во имя» его отказываются отъ «политики». Но если не ради чистѣйшей «красоты» отказываются, то ради чего?

А главное — о т ъ ч е г о, собственно, они отказываются? Какъ они понимаютъ слово п о л и т и к а ? Что — она? Гдѣ — она?

3.

«Современныя Записки» не затруднятся отвѣтить на эти послѣдніе вопросы: тотчасъ опредѣлять, тотчасъ распредѣлять гдѣ политика, гдѣ искусство, все по порядку, издавна установленному.

Служители чистаго искусства вовсе ничего не отвѣтятъ: вотъ еще, разбираться въ политикахъ! «Внѣ» — и конечно.

А современные наши словесники? Если они не претендуютъ на званіе извѣстныхъ «служителей», то имъ, пожалуй, стыдно обращаться со словами механически. Слова — не окаменѣлость. Они измѣняются во времени, какъ живыя существа. Всегда ли можно схватить слово наскоро, въ готовомъ видѣ, не успѣвъ подумать о томъ, что оно значить для другихъ, не давъ себѣ отчета, что самъ подъ нимъ понимаешь? Это, кромѣ того, и невыгодно: никто не пойметъ словъ, если произносящій слова самъ ихъ не понимаетъ.

Вотъ и я не понимаю, и мнѣ хочется прямо спросить создателей «Чисель»: а что это такое, чему въ «Числахъ» нѣтъ мѣста? Какъ вы разумѣете, — въ 1930 г., въ изгнаніи, въ Парижѣ, — это слово: «политика»? Отъ чего и что (если не «чистое» искусство) хотите вы оградить?

Еслибъ дѣло было въ «чистомъ» — тогда ясно. Но тогда и объ эмиграціи не надо бы говорить, нельзя бы даже и упоминать. Что такое «эмиграція» съ точки зрѣнія «вѣчности и красоты»? «Числа», на этой точкѣ зрѣнія стоящія (предположимъ!) — должны были-бы и фактъ освобожденія Россіи (случись онъ) обойти полнымъ молчаніемъ. Вѣдь фактъ — «политическій»! И т а к і я «Числа» должны были-бы, оставаясь послѣдовательными, непоколебимо печатать рисуночки Шагала, мистико-лирическіе вздохи Адамовича о поэзій, отчеты о достиженіяхъ синема, — искать «что-то новое» внутри своей ограды...

Но я не могу себѣ представить реальныя «Числа» въ такомъ положеніи. Почему нибудь шепчуть-же они что-то и объ эмиграціи, и о многомъ еще, съ извѣстной точки зрѣнія незаконномъ. Можетъ быть, кое-что станетъ яснѣе, если мы обратимъ все наше вниманіе на слово «политика», попытаемся доискаться, въ какомъ видѣ и смыслѣ появилось оно на первой страницѣ новаго журнала.

4.

Это все будутъ, конечно, лишь предположенія, различныя «можетъ быть». «Душа» всякаго, едва начавшагося, дѣла — потемки, особенно же если она еще потемки и для самой себя.

Итакъ, можетъ быть, подъ словомъ «политика» руководители «Чисель» разумѣютъ планъ Йонга, лондонскую конференцію, конфликтъ Италіи съ Югославіей и отношенія между послѣдней и Болгаріей? Вопросъ о французскихъ долгахъ Америкѣ и германскихъ Франціи? Положеніе Англии въ Индіи, возстаніе Ганди? Работу Лиги Націй? Польшу и данцигскій корридоръ? Соглашеніе Прибалтійскихъ государствъ, Малую Антанту... и т. д., и т. д.?

Это, конечно, политика; и если «Числа», заявляя о своей аполитичности, хотятъ предупредить, что у нихъ не появится статья о налоговой системѣ, о причинахъ биржевого краха въ Америкѣ, — это одно; и это понятно. Ни въ журналахъ, ни просто въ человѣкѣ, особаго ущерба не происходитъ, если онъ не разбирается во взаимоотношеніяхъ Японіи и Америки.

Можно, скажу въ скобкахъ, и разбираться, и тонкіе стихи писать, какъ Поль Клодель, — это дѣло случая.

Но такую-ли политику разумѣютъ «Числа», объявляя себя аполитичными?

Въ наше время, и для насъ, русскихъ, въ особенности, слово «политика» — опаснѣйшее. Едва коснешься, глядь, оно ужъ расплзлось, какъ масляное пятно. Есть признаки, что для руководителей «Чисель» оно порядочно расплзается, даже вглубь пошло.

Нуженъ острый глазъ и немалая воля, чтобы во-время остановиться, остановить процессъ. Легче легкаго, расширяя «политику» (мои опредѣленія, конечно, слишкомъ узки) захватить «общественность», далѣе — «всякую общественность»... Границы, вѣдь, незамѣтны, да и подвижны! Отсюда прямой путь къ такъ называемому «индивидуализму»: состояніе, имѣющее для человѣка весьма реальныя слѣдствія.

Если «Числа», все еще воображая, что отказываются отъ «политики», уже вступили въ сферу отказа отъ вопросовъ «общественности»,

— положеніе ихъ опасно. Они будутъ в ы н у ж д е н ы оставлять въ сторонѣ, одинъ за другимъ, вопросы просто жизненные, по новому современной жизнью поставленные.

Эмиграція, Россія, ея паденье, ея страданье, ея гибель, ея воскресенье, — что это? Политика или не политика? Придется отвѣтить: это вопросы о какомъ-то устроеніи или неустроеніи о б щ н о с т и людей, слѣдовательно — политика; а отъ политики мы отстраняемся. Мы — внѣ...

Внѣ — чего? Да первое и безспорное — внѣ жизни. Или накануне полнаго выхода изъ нея.

Старая это истина, постоянно повторяемая и постоянно забываемая: мы способны ж и т ь — только если два переплетенные въ насъ начала, — л и ч н о с т и и о б щ н о с т и, — находятся въ извѣстномъ равновѣсіи. Такъ человѣкъ устроенъ. Въ какую бы сторону равновѣсіе ни нарушалось, съ какой бы стороны ни ущерблялся «человѣкъ», жизнь тотчасъ начинается въ немъ убывать.

Идеальнаго равновѣсія, конечно, не бываетъ, какъ и послѣдняго его нарушенія, когда одно начало (безразлично, которое) заѣвъ другое, съѣдаетъ и себя. Но приближеній къ этому страшному концу — сколько угодно.

Наше время приуготовало намъ, небывало-острый и четкій, реальный примѣръ. Это — процессъ, происходящій въ Россіи. Все болѣе и болѣе торжествующее поглощеніе личности — общностью (коммунизмъ). Побѣда конечная, — полное истребленіе личнаго, — была бы, несомнѣнно, и концомъ вообще человѣческой жизни.

Русскій процессъ — явная «политика». Но вотъ, мы взглянули поглубже... и обернулся онъ, какъ будто, не «только политикой»... Во всякомъ случаѣ, не той, отъ которой можно съ легкостью отказаться, хотя бы въ Парижѣ сидя и литературный журналъ издавая.

Мнѣ даже приходитъ въ голову мысль: а что, если поспѣшный «отказъ отъ политики» группы русскихъ эмигрантовъ, уклонъ (какъ нынче говорится) къ «индивидуализму», отталкиванье отъ всего, что похоже на общность-общественность, — просто р е а к ц і я, вызванная отвратительнымъ зрѣлищемъ засилія этой общности, насилія надъ «человѣкомъ» — въ Россіи?

Слишкомъ естественно шарahnуться въ сторону отъ подобной «политики», и даже въ сторону прямо противоположную! Такіе перегибы не опасны, если, конечно, разбираться въ нихъ болѣе или менѣе сознательно.

5.

Но не забудемъ: все, что я говорю о «Числахъ», о группѣ, журналъ ведущей, — все это лишь мои предположенія и догадки. Рядъ «можетъ быть...». Вѣдь и такъ можетъ быть: хорошіе писатели, сравнительно молодые; неудовлетворенные художественнымъ отдѣломъ «Современныхъ Записокъ», захотѣли создать въ этой области что-то лучшее и, главное, свое. Ни въ какую глубь они, при этомъ, не забираются, никакой, можетъ быть, и нѣтъ, а «размышленія» мои — просто надъ пустымъ мѣстомъ.

Я, конечно, хотѣлъ бы, чтобъ это было не такъ, а посложнѣе, посерьзнѣе, чтобы хоть частью догадки мои оказались вѣрны. Но я ничего не знаю.

Одно, вотъ, только: сложна или не сложна «душа» новорожденнаго журнала — она еще мало сознательна. И — что хуже — руководители журнала не проявляютъ къ этой «душѣ» особо-пристального вниманія.

Оттого — думается мнѣ — «Числа» и не могли-бы отвѣтить на рядъ моихъ недоумѣнныхъ вопросовъ, даже если-бъ пожелали.

Впрочемъ, будущее само все рѣшить.